

И. С. ПРОСВИРНИНА
г. Екатеринбург, Россия
prosvirniny@mail.ru

УДК 37.016:811.161.1'373

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. В статье рассматривается функционирование императивов в синтаксических фразеологических структурах. В фокусе внимания находятся прямые и не прямые формы императивов и связанные с этим вопросы обучения грамматике русского языка как иностранного, в частности, побудительные конструкции, заменяющие формы повелительного наклонения в коммуникации. Анализируется закрепление императивов как устойчивых конструкций в речи с прямыми и переносными значениями, степени сращения императивных конструкций от оборотов до фразеосхем и коммуникем. Затрагиваются вопросы моделирования императивных конструкций, в том числе, отрицательных. Экспрессивный потенциал императивов рассматривается как производная полноточности и многозначности исходного глагола, а также сдвига синтаксических функций из сферы побуждения в сферу номинации отношения. Делается вывод об экспрессивном потенциале императивных конструкций в обозначении коммуникативных ситуаций в русской разговорной речи.

Ключевые слова: императив, синтаксические фразеологические конструкции, фразеосхемы, фразеологизмы, фразеологические единицы, коммуникемы, экспрессивный потенциал, разговорная речь, русский язык как иностранный, методика преподавания русского языка, грамматика русского языка, РКИ.

PROSVIRNINA IRINA. S.
Yekaterinburg, Russia

EXPRESSIVE POTENTIAL OF IMPERATIVE CONSTRUCTIONS

Abstract. The article examines the functioning of imperatives in syntactic phraseological structures. The article considers direct and indirect forms of imperatives and related issues of teaching grammar of the Russian language as a foreign language, in particular, motivational constructions re-

placing the forms of the imperative mood in communication. The article analyzes the consolidation of imperatives as stable constructions in speech with direct and figurative meanings, the degree of fusion of imperative constructions from turns to phraseoschemes and communicemes. The issues of modeling imperative constructions, including negative ones, are touched upon. The expressive potential of imperatives is considered as a derivative of the unambiguity and ambiguity of the original verb, as well as the shift of syntactic functions from the sphere of motivation to the sphere of the nomination of the relation. The conclusion is made about the expressive potential of imperative constructions in the designation of communicative situations in Russian colloquial speech.

Keywords: imperative, syntactic phraseological constructions, phraseoscheme, communiceme, expressive potential, colloquial speech, Russian as a foreign language.

В связи с интересом к новым/ креативным формам организации разговорной речи с точки зрения устойчивых синтаксических конструкций и специфики их семантики исследователи уделяют большое внимание нечленимым предложениям. В нечленимых предложениях лексические единицы связываются между собой «идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам» [АГ 80: 383]. В одних нечленимых предложениях прослеживается семантика мотивирующих лексических единиц и устойчивая синтаксическая организация, в других – нерасчлененно выражается «определенное непонятное смысловое содержание» [Меликян 2001: 7]. Конструкции первого типа (вслед за Д. Н. Шмелевым) называют фразеосхемами [Шмелев 1976: 134], второго (вслед за В. Ю. Меликяном) – коммуникемами [Меликян 2010: 19].

Компоненты синтаксических фразеологических единиц (СФЕ) имеют по происхождению разную частеречную принадлежность, разную степень сращения компонентов, и соответственно выделяются разные типы СФЕ. «Раздел синтаксической фразеологии включает в себя различные классы единиц: коммуникемы (слова-предложения), фразеосинтаксические схемы (фразеосхемы), устойчивые модели и устойчивые обороты» [там же, 19]. Степень сращения от коммуникем к устойчивым оборотам снижается. Лексическое наполнение расширяется от частиц,

междометий и местоименных слов до глагольных и именных форм. И всё же устойчивые модели стремятся «к ограничению лексико-синтаксической распространяемости», в чём «проявляется специфика природы СФЕ, которые строятся в соответствии с принципами экономии, устойчивости, системности, регулярности, эмоциональности и экспрессивности» [там же, 26]. Устойчивые обороты включают в рамках синтаксической фразеологии и предложенческие структуры: пословицы, поговорки, крылатые выражения и клише.

В нашем исследовании представлены наблюдения над тем, как составе фразеологических синтаксических структур действует одна из глагольных форм – императив. Насколько форма повелительного наклонения креативна (создаёт новые экспрессивные устойчивые императивные конструкции) в русской разговорной речи?

Посмотрим на наличие форм повелительного наклонения (что здесь понимается одинаково с формами императива) в синтаксических конструкциях, подвергающихся фразеологизации в разговорной речи. С одной стороны, отмечаются императивные (по происхождению) конструкции в коммуникемах-сращениях *Будьте нате! Накосья-выкуси!* и коммуникемах-сочетаниях *Иди ты!* Коммуникемы-сращения, как любые фразеосращения, идиоматичны, так как их лексические компоненты десемантизированы. «Идиоматичным чаще всего является и факультативное эмоционально-экспрессивное значение <...которое> выражает не только категориальное значение «отрицания», но также дополнительные коннотативные семы: «категоричности (интенсема)», «возмущения», «негативного отношения к собеседнику» [Меликян 2010: 269].

С другой стороны, при классификации функционально-семантических групп коммуникем: утверждения/отрицания, волеизъявления, эмоционально-оценочные, контактоустанавливающие, этикетные, вопросительные, текстообразующие [Меликян 2001: 10-11, Краснов 2005: 9], что во многом повторяет классификацию частиц, примеры императивов (по происхождению) встречаются нечасто: *Давай!* (в контексте – волеизъявительная частица), *Послушай!* (контактоустанавливающая частица),

ца), *Извините! Здравствуйте!* (этикетные междометия), но частотность их очевидна. Многие этикетные реплики этимологически – императивы: *здравствуй(те)*, *спасибо*, *пожалуйста*, *извини(те)*, *прости(те)*, *прощай(те)*, *благодарствуй(те)*. Это свидетельствует о прежней активности форм повелительного наклонения в регулярных, становящихся ритуальными коммуникативных ситуациях. И сейчас этикетные функции императива не исчерпаны. Об этом свидетельствуют, например, устойчивые формы *Извините! Простите!* – в функции обращения. Об этом говорят и формы освоения иноязычных «извинений» *Пардонь(те)!* *Соррь!* в устной и письменной речи.

Прозрачность образования форм повелительного наклонения (=императива) в русском языке для иностранцев приводит к активному, но ошибочному их использованию. Формы всего две: второго лица единственного и множественного лица, образуются они от личных форм настоящего/будущего времени с помощью суффикса *-и-* после многих согласных (*говор-и-те*, *скаж-и-те*), нулевого суффикса после гласных (*чита-й-те*, *прочита-й-те*) и в зависимости от ударения после некоторых шипящих и сонорных (*не плач-ь-те*, *встан-ь-те*) одинаково для совершенного и несовершенного вида. Но уже на этом этапе наличие двух форм становится базой языковой игры для носителей русского языка (пауза перед «вежливым» окончанием *-те*) и базой ошибок для иностранцев (*Преподавательница*, *иди сюда* – неразличение *вы* и *Вы* вежливое, *Помогай мне* – неразличение значений совершенного и несовершенного видов в императиве).

Видовые значения императива обуславливают использование совершенного вида для обозначения конкретного желательного действия (первичная номинация) *Прочитай текст!* и несовершенного вида с частицей *не* для отрицания того же действия *Не читай этот текст!* Частные (противоположные) случаи – это, например, использование совершенного вида с частицей *не* для выражения предостережения *Не забудь!* *Смотри, не упади!* и использование несовершенного вида без частицы *не* при ожидании конкретного действия (повторная номинация) *Читайте-читайте!* *Я же жду*. Частные комментарии в учебниках грамматики русского языка как иностранного стремятся к краткости:

«Глаголы СВ в императиве с отрицательной частицей **не** содержат предупреждение или указывают на нежелательность совершения действия в определенный момент времени. Сравните: **Не получи** плохих оценок. – *Смотри, не получи плохую оценку сегодня на экзамене*» [Глазунова 2007: 301-302]. Однако такие объяснения не всегда облегчают задачу использования императивных конструкций. В методике обучения русскому языку как иностранному принят термин «побуждение к действию», и задания формулируются таким образом: «Приведите свои примеры указанных вами форм выражения побуждения к действию», «Побуждение к действию. Побуждение к совместному действию. Побуждение к действию третьего лица. Вторичное побуждение к действию. Побуждение к немедленному началу действия», «Проанализируйте предложения с выражением побуждения к действию формами повелительного наклонения» [см. например, Крючкова 2009]. Сами иностранцы предпочитают краткий термин «императив», совмещая в нём обозначение и формы глагола, и значение побуждения, пожелания или волеизъявления.

Отметив то, что мы называем императивом и императивными конструкциями, вернёмся к функционированию этих форм в речи. В настоящее время в русской разговорной речи формы императива активны и допустимы не во всех коммуникативных ситуациях, например, для выражения просьбы или совета носителям языка более уместными представляются формы вопроса с частицей **не** или формы сослагательного наклонения. Смещение в терминологии значений волеизъявления, побуждения, желательности, а также просьбы, приказа, требования, совета приводит к неразличению грамматических форм, функций и интенций в коммуникации. Для выражения различных интенций в русском языке системно используются и другие грамматические формы, кроме собственно императивных, например, другие глагольные словоформы в составе устойчивых конструкций:

– инфинитив: *По газонам не ходить! Не прислоняться! Лежать!* в том числе с частицей *бы*: *Отдохнуть бы!*

– формы сослагательного наклонения: *Отдохнул бы ты!*

– определённые формы глаголов с частицами: *Давай(те) петь! Пойдём! Пусть он (с)поёт! Да будет так!*

– временные формы изъявительного наклонения: *Встал и пошёл! Встаёшь и идёшь! Встанешь и пойдёшь! Поможете мне? Не скажете...? Спорим! Потанцуем?*

Есть много неглагольных устойчивых форм волеизъявления, отметим только одну, относительно новую *Можно, пожалуйста, ...* (без императива), которая весьма активна сейчас в разговорной речи: *Можно, пожалуйста, мне меню? Можно мне выйти, пожалуйста?* Свое влияние на распространение этой конструкции оказало и влияние иностранных языков, и восприятие форм императива как излишне личных, недостаточно вежливых в определенных коммуникативных ситуациях.

Наоборот, сохраняется специфическое использование окончания *-те* императива при соединении с глагольными формами будущего времени *Пойдём-те!* или прошедшего времени *Пошли-те!*, которые и сами могут выступать как формы побуждения к совместному действию. В последнем случае возникает омонимия форм глаголов *послать, пошлить*, которая также может служить базой для языковой игры.

Использование императивных форм в переносном значении также способствует развитию их экспрессивного потенциала. Можно выделить внутрипарадигматическое и внепарадигматическое употребление таких форм.

При внутрипарадигматическом непрямом употреблении императив «сохраняет общекатегориальное значение волеизъявления, но видоизменяет частные значения лица, числа и/или приобретает дополнительные значения, не свойственные словоформе в прямом значении, при этом обычно меняется синтаксическое окружение» [Храковский 2002: 227]. Речь идёт о значении совместного действия, количестве лиц/исполнителей, о переходе на *ты* и других коммуникативных ситуациях. Грамматическое значение «быстрого исполнения действия» проявляется в использовании таких императивов, как *сыпь, жарь, дуй (до горы), валяй, мотай (на ус), шпатель*; сейчас активнее – *жги, валя, смотайся*. В этих императивах очевиден сдвиг лексического значения, используется обычно форма единственного числа. Грамма-

тическое значение «угрозы, требования неисполнения/ прекращения действия из-за последствий» проявляется в формах типа: *ну, поплачь еще у меня; поговори мне; только пискни, вякни*. Сигналы смены лексического значения – местоимения *мне, у меня*, наречия *только, ещё*, в конструкциях с этим значением используются преимущественно формы глаголов совершенного вида.

Внепарадигматические употребления императивов всегда имеют не прямые значения [Храковский 2002: 235], среди них: оптативы, пожелания, проклятия по прецедентному образцу, аллюзии и др.: *Минуй нас пуще всех печалей...! Да провались оно! Гори оно все синим пламенем, сейчас активнее – Гори в аду! Боже упаси! Сохрани Бог! Черт возьми!* Активны превентивы: *Смотри, Посмотри-ка, Глянь, Скажи* в не прямом значении, противопоставления субъектов в сложных предложениях: *(Они жируют), а мы расплачивайся! (Ты ничего), а я страдай! А ты спроси нас / народ!* Чрезвычайно активны в разговорной речи императивы со значением нецелесообразности, невозможности, неприемлемости действия *(Не в свое дело) не лезь! Поди, попробуй! Ну вот ещё, пиши за них! Хоть убей...!*

Таким образом, при описании императива как морфологической категории и формы глагола, мы наблюдаем, как императив формирует синтаксические конструкции внутри и вне собственной парадигмы. Многие из этих императивных конструкций становятся в той или иной степени устойчивыми выражениями, синтаксическими фразеологическими единицами: устойчивыми оборотами, устойчивыми моделями, фразеосхемами, коммуникемами. Система эта очень подвижна. С одной стороны, формы побуждения, волеизъявления, желательности не ограничиваются глагольными формами собственно императива. С другой стороны, императив, лишённый своих исходных функций, расширяет свои креативные возможности и увеличивает экспрессивный потенциал. В данной работе нет стремления корректировать существующие классификации или терминологию. Отметим только некоторые продуктивные модели императивных конструкций, которые устойчиво прикрепляются к смыслам, востребо-

ванным в современных коммуникативных ситуациях, в современной разговорной речи:

- О бесполезности проявления эмоций:
кричи – не кричи; вопи – не вопи; ругайся – не ругайся; бесись – не бесись
- О достижении цели:
знай себе иди, гни свою линию.
- О необдуманности действия:
возьми да и ляпни.

Из-за использования некоторых императивов в непрямом значении произвольно или непроизвольно возникают элементы языковой игры: *А ты возьми и не бери! Послушай меня, не слушай его!*

При использовании императивов с частицей *не* проявляются комплексные значения,

- запрещающие, предостерегающие от действий или проявления эмоций:

Не смей, не лезь, не связывайся, не бери на себя, не тащи на себе, не вздумай/ даже не думай, не встречай.

Не переживай, не волнуйся, не беспокойся, не пищи, не стои, не ной, не канючь, не хнычь, не скули, не каркай (эти императивы касаются и речевого поведения, отмеченного ниже)

Но: *Не держи в себе*

- О речевом поведении:
Не нукай, не чокай, не вякай, не бубни, не тяни, не комкай, не сюсюкай с ним
- Об активном поведении:
Не сти, не залипай, не кисни
- О будущем с разной степенью уверенности:
К бабке не ходи! Не сглазь! Не загадывай!

Эти модели или семантические сферы заполнения императивами коммуникативных ситуаций разнообразны, но не бесконечны. Набор коммуникативных ситуаций определяется «требованием времени», языковой модой, определённым языковым стилем, требующим номинации актуальных коммуникативных ситуаций определёнными фразеосхемами.

Интересны модели, требующие анализа сочетаемости императива или развития (и расхождения) значений этимологически однокоренных императивов, например:

- С одним императивом *шевели языком, ногами, мозгами*.
- С одним этимологическим корнем, где предполагаются различные коммуникативные ситуации: *Ах, оставьте; останься (дома); оставайся (всегда такой же); отстань; не приставай; не доставай; остановись; не подставляйся*.

Рассмотрение в динамике императивных конструкций адресует нас и к сакральным текстам, и к развитию официально-делового стиля:

- Библейские: *Не бойся, я с тобой, Не убий, Не укради, Уважай, Возлюби, Неси свой крест, Испей чашу сию, Восстань и виждь!*

- Городская «риторика»: *Не влезай – убьёт! Стойте, Ждите, Идите; Не вертите, не крутите (вода сама потечёт); Тяни, Толкай (дверь – по аналогии с европейскими знаками)*.

- В заговорах, тостах, играх и других устойчивых речевых жанрах: *Чёрт, чёрт, поиграй да отдай! У кошки боли, у собачки боли, а у Мишеньки не боли! Умри, замри, отомри / воскресни! Пляши! (письмо, новость) / Пей до дна!*

- В номинативных моделях *Тяни-толкай, Ванька-Встанька, сорвиголова*.

- В фразеосхемах разного типа: *И живи теперь с этим! Будьте – нате! Накося – выкуси! Держи карман шире! Поддай-принеси! Пиши пропало! Ешь – не хочу! Хоть ложкой ешь! Мама не горюй! На Бога надейся! Не в свои сани не садись! Прогни и пой! Вот и верь после этого людям!*

Этот тип устойчивых выражений отмечает Б.Ю. Норман: «К пословицам примыкает разнообразный фольклорный материал, который, может быть, и не имеет открыто дидактического характера, но в силу своей воспроизводимости легко поднимается над конкретными референтными ситуациями. Это лозунги, призывы, рекламные слоганы, цитаты из песен и кинофильмов». Среди примеров также есть императивные конструкции: *Не верь, не бойся, не проси. Играйте и выигрывайте. Благодарите и кланяйтесь* [Норман 2014: 101].

Не все из обозначенных синтаксических фразеологических единиц, имеющих в составе формы императива, потеряли внутреннее содержание синтаксических компонентов. Напротив, однозначность и многозначность глагольных форм сохраняет возможность возвращения к исходной семантике и обыгрывания смыслов. Закрепление фразеосхем, в том числе императивных, за определенными актуальными коммуникативными ситуациями – развивающееся, продуктивное, нормативное явление современной разговорной речи. При экономии формы комплексный экспрессивный потенциал императивных конструкций позволяет им становиться знаками коммуникативной ситуации, коммуникативного поведения. Носители русского языка весьма креативно используют их не столько для выражения просьбы, побуждения, волеизъявления, сколько для обозначения своего отношения к ситуации.

Литература

- АГ – *Русская грамматика* /Гл.ред. Н. Ю. Шведова, М.,1980.
- Глазунова О. И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология. СПб., 2007.
- Краснов В.А. Коммуникемы со значением волеизъявления в языке и речи. Автореферат дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005
- Крючкова Л.С., Моцинская Н.В. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М., 2009 URL: <https://rucont.ru/efd/1158> (дата обращения: 28.04.2022)
- Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М., 2001.
- Меликян В. Ю. Коммуникемы-сращения в системе русского языка //Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. №12. С.265-270.
- Меликян В. Ю. Синтаксическая фразеология и синтаксические фразеологизмы // Современный русский язык: система языка, речь, общение: Монография. Ростов н/Д: ПИ ЮФУ, 2010. С.16-26
- Меликян В. Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М.,2013 URL: <https://rucont.ru/efd/244441> (дата обращения: 28.04.2022)
- Норман Б.Ю. Жизнь словоформы. М., 2015.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. М., 2002.

Шмелев Д. Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

REFERENCES

- AG – Russkaya grammatika /Gl.red. N. YU. SHvedova, M.,1980.
- Glazunova O. I. Grammatika russkogo yazyka v uprazhneniyah i kommentariyah. Morfologiya. SPb., 2007.
- Krasnov V.A. Kommunikemy so znacheniem voleiz"yavleniya v yazyke i rechi. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2005
- Kryuchkova L.S., Moshchinskaya N.V. Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu. M., 2009 URL: <https://rucont.ru/efd/1158> (data obrashcheniya: 28.04.2022)
- Melikyan V.YU. Slovar': Emocional'no-ekspressivnye oboroty zhivoj rechi. M., 2001.
- Melikyan V. YU. Kommunikemy-srashcheniya v sisteme russkogo yazyka //Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2010. №12. S.265-270.
- Melikyan V. YU. Sintaksicheskaya frazeologiya i sintaksicheskie frazeologizmy // Sovremennyj russkij yazyk: sistema yazyka, rech', obshchenie: Monografiya. Rostov n/D: PI YUFU, 2010. S.16-26
- Melikyan V. YU. Sintaksicheskij frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.,2013 URL: <https://rucont.ru/efd/244441> (data obrashcheniya: 28.04.2022)
- Norman B.YU. ZHizn' slovoformy. M., 2015.
- Hrakovskij V. S., Volodin A. P. Semantika i tipologiya imperativa: Russkij imperativ. M., 2002.
- SHmelev D. N. Sintaksicheski svyazannye konstrukcii-frazeoskhemy // Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke. M., 1976.

©Просвирнина И.С., 2022

Просвирнина Ирина Сергеевна – доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина г. Екатеринбург, Россия
Адрес: 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Блюхера, 51, 191.
E-mail: prosvirninym@mail.ru

Prosvirnina Irinaa Sergeevna – Associate Professor of the Department of Russian for Foreign Students of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).